

— Ха-ха-ха-ха!

Режиссёр Цзян одобрительно кивнул, наконец возвращая внимание к самому шоу.

— Отличная работа, ребята. Вы не стали слепо копировать фильм, а добавили собственные штрихи... Итак, Лун Тянь. Исполнитель — Чэнь Сяоди?

Чэнь Сяоди перехватил микрофон, который до этого держал у самых губ Чу Цинюня. Его заметно потряхивало от волнения.

— Тоже неплохо, — продолжил режиссёр. — Поначалу держался слишком ровно, немного не хватало напора, но во второй половине... Скажи, ты ведь поймал кураж? Вжился в образ?

Чэнь Сяоди густо покраснел и, отчаянно борясь с накатившим восторгом, закивал:

— Это всё благодаря брату Чу и брату Жаню! Они меня за собой вытянули, я просто не мог сыграть иначе.

— И каково это? — с мягким любопытством спросил Цзян.

Парень на мгновение задумался, воскрешая в памяти недавние секунды на сцене:

— Удивительно... Будто я на миг действительно стал Лун Тянем. Я понимал, что все его мысли — дичь и безумие, но всё равно чувствовал с ним какую-то пугающую связь. Если честно, после финала даже жутко стало. Вдруг я и в самом деле способен превратиться в такое чудовище?

— Способность так быстро перенимать чужие эмоции говорит о подлинном таланте, — напутствовал его старик. — Но учти, твоим партнёром не всегда будет Чу Цинюнь. Нельзя постоянно уповать на чужую харизму. Рано или поздно придётся тащить сцену самому.

Ведущий уже пригласил на сцену соперников для объявления результатов, но, заметив, что режиссёр Цзян хочет добавить что-то ещё, тактично замер.

— Я немного знаком с мануальной терапией, — добродушно проговорил старик, глядя на Чу Цинюня. — Если доверяешь мне, могу вправить сустав прямо сейчас.

Ведущий удивлённо приподнял брови:

— Режиссёр Цзян, неужели вы ещё и костоправ?

— Приходилось практиковать, — с мягкой улыбкой кивнул тот, внезапно став похожим на

заботливого дедушку.

Под прицелом завистливых взглядов Чу Цинюнь подошёл к судейскому столу. Поприветствовав наставников, он послушно протянул левую руку.

Камера сфокусировалась на его ладони.

Перед выходом на сцену юноша наспех стёр кровь, но порезы оказались слишком глубокими. Пока шло обсуждение, из разорванной кожи у основания большого пальца снова медленно потекла алая струйка.

Режиссёра Цзяня это нисколько не смутило. Он аккуратно, но крепко перехватил его левую кисть.

Когда пальцы коснулись вывихнутого сустава, Чу Цинюнь невольно стиснул зубы и шумно выдохнул.

— Боишься боли? — старик лукаво прищурился.

Чу Цинюнь скрывать не стал и честно кивнул.

Тогда Цзян заметно ослабил хватку, уводя разговор в сторону:

— Мне вот что любопытно: неужели сцена для тебя настолько важна, что ты готов так надрываться?

— Стать актёром — мечта всей моей жизни, — последовал безупречно выверенный, почти протокольный ответ.

В то же мгновение пальцы режиссёра резко и мощно надавили на кость. Ноги Чу Цинюня на секунду подогнулись от вспыхнувшей боли, и он, растеряв всю свою напускную холодность, глухо выдохнул:

— И ещё... я просто терпеть не могу проигрывать.

— Твой путь ещё только начинается, — мягко произнёс старик. — Как ты сам только что сказал о Сяовэе — не стоит торопить события, верно?

— У Сяовэя есть работа, друзья, любимый человек... — Чу Цинюнь поднял на него глаза. — А у меня... у меня нет пути назад. А-ах!..

Пока его внимание было отвлечено, сустав со щелчком встал на место. Острая, разрывающая боль мгновенно отступила, сменившись тупой, ноющей ломотой.

— Страсть к делу и амбиции — это прекрасно, — подытожил режиссёр Цзян. — Но если снова окажешься в подобном тупике, вспомни свои же слова. Помни: излишняя жёсткость ведёт к надлому. Слишком твёрдое легко ломается.

Чу Цинюнь удивлённо посмотрел на старика.

Ещё в больнице он успел изучить все доступные слухи о режиссёре Цзяне.

Поговаривали, что тот с таким упорством отстаивал присутствие Сяовэя в сценарии «Агента под прикрытием» лишь потому, что их судьбы были невероятно похожи. Цзян в молодости тоже работал под прикрытием на спецслужбы, и его мать также погибла из-за этого. Вот только, в отличие от импульсивного Сяовэя, будущий режиссёр умел ждать. Он карабкался наверх шаг за шагом, терпеливо и методично, завоёвывая имя. Но когда он наконец обрёл силу, чтобы отомстить, его врагов уже арестовали. Сейчас они отбывали пожизненное.

История Сяовэя в фильме была для него своеобразной попыткой переписать прошлое, закрыть старый гештальт.

Переселенец в книгу ткнул пальцем в небо и случайно выбрал именно эту роль. Чу Цинюнь понял это ещё во время первой репетиции и намеренно выстроил образ так, чтобы зацепить режиссёра за живое. Сегодняшний монолог о судьбе Сяовэя тоже был частью этой тонкой игры.

Однако сейчас, глядя в тёплые, искренние глаза старика, Чу Цинюнь почувствовал укол совести. В жестах костоправа не было фальши или попытки использовать его — только чистая, отеческая забота.

Юноша поджал губы. Затем, не обращая внимания на недоумение окружающих, он протянул руку и взял со стола окровавленный пластиковый хомут, которым были связаны его руки.

— Режиссёр Цзян, посмотрите на эту стяжку, — спокойно произнёс он. — Она мягкая и невероятно прочная. Но в итоге я её всё равно разорвал.

Остальные присутствующие недоуменно переглянулись.

Стоявший на сцене Шао Жань тяжело вздохнул и прикрыл глаза ладонью. Поклонники у экранов, едва успевшие проникнуться симпатией к Чу Цинюню, мысленно умоляли его закрыть свой красивый рот.

«Старший брат, мы знаем, что ты уверен в себе, но гонор тоже надо уметь дозировать! Тебе

даёт совет живой классик, почему бы просто молча не выслушать?! Зачем спорить?!»

Впрочем, лавина критики от хейтеров не заставила себя ждать. Многие искренне надеялись, что режиссёр Цзян сейчас выйдет из себя и устроит наглецу публичную порку.

— И всё же спасибо за напутствие. Я буду помнить о нём, — с мягкой улыбкой добавил Чу Цинюнь, сглаживая углы.

Камера зафиксировала секундное замешательство на лице режиссёра. Однако, вопреки ожиданиям злопыхателей, Цзян вдруг громогласно расхохотался. Он от души похлопал юношу по здоровому плечу, и в его взгляде вспыхнул ещё больший восторг.

— Хорошо! Тогда покажи мне, как далеко ты сможешь зайти.

Участники второй команды стояли чуть поодаль. Глядя на то, как Чу Цинюнь умудрился не просто избежать гнева грозного мэтра, но и завоевать его расположение, они лишь молча завидовали его феноменальному везению.

Лидером соперников был тот самый парень с естественными кудрями — Сун Сюйян. Актёр он был неплохой и, в отличие от своих завистливых товарищей, смотрел на Чу Цинюня крайне сложным взглядом. Встретившись с ним глазами, он поспешно отвернулся и демонстративно закатил глаза, всем своим видом выражая презрение.

Чу Цинюнь едва заметно нахмурился. Радость от победы мгновенно улетучилась.

После пробуждения у него было слишком мало времени. Он сосредоточился на сценарии и разборках с семьёй Чжоу, лишь мельком проглядев информацию об остальных участниках шоу. Однако этот Сун Сюйян явно имел какую-то общую предысторию с прежним владельцем тела — предысторию, о которой сам Цинюнь не имел ни малейшего представления.

«И зачем я только проявил излишнюю подозрительность в больнице и отказался от Системы?» — с лёгким сожалением подумал он.

Без подсказок Системы ориентироваться в чужих связях было чертовски сложно, и теперь оставалось лишь сводить любое общение к минимуму, чтобы не выдать амнезию.

Пока он предавался безрадостным мыслям, ведущий уже вскрыл конверт с результатами голосования.

— В этой дуэли с огромным отрывом побеждает команда Шао Жаня! Поздравляем!

Зал разразился аплодисментами. Окрылённые победой Чэнь Сяоди и Шао Жань тут же

стиснули Чу Цинюня в крепких объятиях.

— А теперь, — продолжил ведущий, — пришло время объявить имя того, кто получает шанс на триумфальное возвращение в проект в рамках утешительного раунда. И это... Сун Сюйян! Победители сегодняшнего вечера выступят в роли его партнёров на следующей неделе, чтобы помочь побороться за путевку в финал. К сожалению, двое других участников покидают наше шоу...

Пока Сун Сюйян со слезами на глазах прощался со своей командой, победители поспешили удалиться за кулисы, уступая сцену для прощальных речей.

Тем временем на персональной трансляции Чу Цинюня тональность комментариев начала стремительно меняться. Немногочисленные, но въедливые фанаты принялись детально изучать каждый кадр. На экране искалеченные руки юноши наконец вернули прежний благородный вид — лишь вокруг запястий и суставов наливались сизые кровоподтёки, но по сравнению со рваными ранами на ладонях это казалось сущим пустяком.

«Рассказывайте больше про отсутствие путей назад! Не будь он из семьи Чжоу, хрен бы ему так везло!»

«Ничего себе везение — получить перед выходом на сцену связанные строительным хомутом руки и разодрать ладони в мясо...»

«Да не торопитесь вы с выводами! Виновного ещё не нашли. Бьюсь об заклад, Чу Цинюнь сам всё это подстроил ради драмы!»

«Откуда в комментариях столько недалёких? Погуглите, что такое строительная стяжка. Её используют для крепежа кабелей и арматуры, замок работает только в одну сторону — чем сильнее рвёшься, тем крепче стягивает. Как он мог рассчитать "самострел" так, чтобы порвать её именно в ту секунду, когда нужно выйти на сцену?»

«Раньше я хейтила Чу Цинюня, но сейчас мне его даже жаль. Когда он сказал, что у него нет пути назад... Я, кажется, поняла, почему он так отчаянно бьётся за эту роль».

«После подписания контракта его задвинули на полку, на шоу подставили, а администрация, прекрасно зная правду, даже пальцем не шевельнула, чтобы обелить его имя. Просто использовали как бесплатный генератор кликов... Боже, если вдуматься, он же жертва. Как мы этого раньше не понимали?»

«Да все решили, что он вытащил счастливый билет, когда вернулся в семью Чжоу. Но посмотрите на его шмотки! Я нашла точно такие же на Pinduoduo, весь прикид дешевле тысячи юаней. Да одна рубашка Чжоу Чи стоит дороже, чем весь гардероб Цинюня!»

«Правда? Пойду поищу...»

Поблагодарив наставников, Чу Цинюнь покинул сцену.

В гримёрной его уже ждал главный режиссёр проекта — режиссёр Фэн.

Обычно он предпочитал наблюдать за процессом из прохладной аппаратной, но сегодня инцидент перешёл все границы. Фэн был в ярости. Он сквозь пальцы смотрел на мелкие интриги и взаимные подножки участников, порой даже намеренно подливая масла в огонь ради рейтингов. Но спланированное членовредительство прямо перед эфиром — это было слишком. Если история с саботажем всплывёт наружу в негативном ключе, репутация шоу будет растоптана, а его собственная карьера окажется под ударом.

— Чу Цинюнь, — режиссёр сразу перешёл к делу, на его лице читалась крайняя озабоченность.
— От лица всей команды я приношу тебе извинения за этот вопиющий инцидент. Шоу гарантирует, что виновный понесёт наказание. Мы обязательно во всём разберёмся.

— Благодарю вас. Верю, что вы примете меры, — спокойно кивнул юноша.

— Отлично. На сцене было слишком людно, и личные операторы не смогли зафиксировать момент нападения. Ты запомнил того, кто это сделал? Хотя какие-то приметы?

Шао Жань и Чэнь Сяоди, которые ещё во время судейских комментариев догадались о случившемся, мгновенно растеряли всю радость от победы. На их лицах отразилась тревога. Понимая важность разговора, они деликатно отступили на пару шагов, давая Цинюню и режиссёру возможность поговорить наедине.

— Я видел его только со спины, — ответил Чу Цинюнь, на мгновение прикрыв глаза, чтобы воскресить в памяти детали. — Мужчина среднего роста. На нём была стандартная униформа технического персонала проекта и... синие спортивные кроссовки.

Режиссёр Фэн нахмурился:

— Мы не можем прервать съёмки и согнать сюда весь персонал для опознания. Пойдём со мной в аппаратную, посмотрим записи с камер наблюдения.